

УДК 94(47)“12”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/65/1

Падение интереса древнерусского населения XIII в. к знамениям и Галицко-Волынская летопись

Д.В. Пузанов

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ

УрО РАН

Россия, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: puzanov_dv@udman.ru

Авторское резюме

Описание природных явлений, которые в других русских летописях воспринимаются как знамения – затмения, кометы, метеориты, дифракционные явления, грозы и т.д., практически отсутствует в Галицко-Волынской летописи. Даже когда какое-либо из этих явлений попадает на страницы хроники, книжник остаётся равнодушен к его мистическому значению. Падение интереса к предсказаниям вообще характерно для древнерусской литературы XIII в. И отношение юго-западных книжников к предзнаменованиям иногда рассматривается как пример наибольшего воплощения этих тенденций. Предпринята попытка детального анализа всех случаев, когда Галицко-Волынская летопись описывает явные предзнаменования (их всего три). Раскрываются причины, по которым в каждом случае книжники описывают знамения. Выявляются особенности восприятия природных явлений галицко-волынскими летописцами в сравнении с книжниками других русских земель. Во всех случаях летописцы Юго-Западной Руси используют описание знамений для того, чтобы подчеркнуть покровительство небес Галицко-Волынской земле и её князьям. Знамения в Древней Руси были тесно связаны с теорией «о казнях и милостях Божьих». И особенности отражения в Галицко-Волынской летописи этой теории влияли на описание знамений. Если других древнерусских летописцев чаще всего интересуют бедствия, происходившие в их собственной земле, то в летописании Юго-Западной Руси Бог карает врагов Галицко-Волынской земли. И знамения тоже обращены против врагов. Когда казнь обрушивается на родную книжнику землю, воспринимать её следует с надеждой на Бога и не впадать в уныние. В отличие от других летописцев, галицко-волынские книжники ценили бодрость духа больше, чем сокрушение сердца.

На описание знамений могла повлиять и ориентированность летописи на субъекты, изменяющие мир. Если то или иное явление никак нельзя было связать с последующими событиями, вероятно, книжник не считал необходимым упоминать о нём.

Ключевые слова: знамения, казни Божьи, Галицко-Волынская летопись, русские летописи, христианство, комета.

The Galician–Volhynian Chronicle and a decline in the interest in the omens in the Old Rus population of the 13th century

D.V. Puzanov

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
UdmFRC UB RAS

4 Lomonosov St., Izhevsk, 426004, Russia

E-mail: puzanov_dv@udman.ru

Abstract

The Galician–Volhynian Chronicle contains almost no descriptions of natural phenomena that other Russian chronicles perceive as omens – eclipses, comets, meteorites, diffraction phenomena, thunderstorms, etc. Even when any of these phenomena appears in the chronicle, the scribe remains indifferent to its mystical significance. A decline in the interest in predictions is typical of Old Rus literature of the 13th century, so the attitude of the southwestern scribes to omens is sometimes seen as the greatest manifestation of these tendencies. The author analyzes all three cases when the Galician–Volhynian Chronicle describes omens, focusing on the reasons why the scribes describe them. The perception of natural phenomena by the Galician–Volhynian chroniclers is compared with that of the scribes from other Russian lands. In all cases, the chroniclers of Southwestern Russia describe omens to emphasize heavenly protection of the Galician–Volhynian land and its princes. Omens in Old Rus were closely related to the theory of “executions and God’s mercies.” The specificity of this theory’s rendition in the Galician–Volhynian Chronicle influenced the description of the omens. If other Old Rus chroniclers are most interested in the disasters that occurred in their own land, God in the chronicles of South-Western Rus punishes the enemies of the Galician–Volhynian land. Omens also work against enemies: when the plague falls on the native land, it should be perceived with courage and hope in God. Unlike other chroniclers, the Galician–Volhynian scribes valued good spirits more than

contrition of the heart. The description of the omens could also be influenced by the focus of the chronicle on the subjects that change the world. If a certain phenomenon could not be associated with subsequent events, the scribe might not mention it as irrelevant.

Keywords: omens, plagues, Galician-Volhynian Chronicle, Russian chronicles, Christianity, comet.

В настоящее время вопрос об отношении древнерусского общества к предзнаменованиям имеет свою историографическую традицию [4: 391–406; 11; 12; 15: 358–368; 16; 19: 149–168; 20: 217–228; 21; 23]. Была описана роль знамений как знаков, предсказывающих грядущие события, раскрыта семантика некоторых предзнаменований. Накопленный материал позволяет перейти от изучения общих для древнерусского социума представлений к реконструкции разных традиций, точек зрения, индивидуальных мнений.

Изучение особенностей предзнаменований в Галицко-Волынской летописи – на первый взгляд, задача, имеющая мало перспектив. Было замечено, что сама традиция фиксации явлений природы, которые древнерусские книжники воспринимали как знамения, не находит достаточного развития в летописании Юго-Западной Руси [19: 155; 20: 426, 440]. Сообщения о знамениях в Галицко-Волынской летописи встречаются реже, чем в других хрониках. Природные явления, которые другие летописцы воспринимают как явные знамения (появление комет и метеоритов, затмения солнца и луны, гало, круги и световые столбы в небе), не могли на протяжении почти 100 лет обходить стороной Юго-Западную Русь. Но из всех подобных явлений книжник обращает внимание только на комету, датированную в Ипатьевской летописи 1265 г. (т. к. в первоначальном варианте Галицко-Волынской летописи отсутствовала хронологическая сетка, все даты Ипатьевской летописи условны [8], историки часто датируют явление 1264 г. [9: 315–316]). Однако предсказание, которое сделал народ, глядя на звезду, по мнению летописца, не сбылось [5: 863]. А верной трактовки книжник не сообщает. Летописца больше интересует эмоциональная реакция населения на комету, чем значение этого небесного явления как Божьего знамения.

В XIII в. обнаруживается падение интереса к знамениям во всех летописях (кроме Новгородской) [15: 362; 20: 431–432]. В то же время равнодушие книжников XIII в. к предсказаниям и будущему наблюдается в различных жанрах [3: 116–118]. Сообщения из Галицко-Волынской летописи иногда используются для иллюстрации этих тенденций (см. работы А.С. Дёмина, В.В. Милькова, С.В. Мильковой и

автора данных строк [3: 117; 15: 362; 20: 431]). Но результаты анализа ограниченного числа единичных сообщений о знамениях едва ли корректно экстраполировать на всю древнерусскую литературу. К тому же одно и то же сообщение иногда можно интерпретировать по-разному. Например, фразу, которую Киевская летопись вкладывает в уста князю Игорю: «...таины Божия никто же не вѣсть. а знамению творѣць Богъ и всемоу миру своему. а намъ что створить Богъ. или на добро или на наше зло, а то же намъ видити» [5: 638], В.В. Мильков и С.В. Милькова выдают за комментарии «Ипатьевской летописи... к походу» 1185 г., когда недоброе знамение (затмение солнца) не помешало русским войскам выступить в Половецкую степь. Знамение здесь, по мнению Мильковых, «дискредитируется как отторгнутое от земных событий» [15: 362]. На самом деле сложно утверждать, что книжник поддерживает мнение Игоря. Поход в итоге закончился неудачно, а в игнорировании князем Божьего знамения можно увидеть проявление гордыни. Непонятно, на каком основании исследователи увидели скепсис Лаврентьевской летописи при описании *недоброго* знамения 1203 г. [10: 419]. Не являются бесспорными и примеры, приводимые А.С. Дёминым. Серьёзных идейных изменений в восприятии знамений в XIII в., а тем более в конце XII в. не прослеживается. Наблюдается количественное падение сообщений о знамениях, они снабжаются менее подробными комментариями. Но само по себе наличие определённых тенденций не способно объяснить их причину. Равнодушие к знамениям в Галицко-Волынской летописи заметно даже на фоне общего падения фаталистических настроений. Только ответив на вопрос, чем обусловлена специфика восприятия юго-западными летописцами знамений, можно понять, является ли игнорирование галицко-волынскими книжниками предзнаменований наиболее полным воплощением общерусских тенденций или это разрыв с предыдущей традицией. А для этого надо выявить, в каких контекстах и для какой цели концепт «знамение» используется в летописи.

Конечно, правомерность рассмотрения Галицко-Волынской летописи как единого произведения вызывает споры. А.И. Генсюрский делит текст летописи на пять различных редакций [1: 6]. При этом в лингвистическом отношении Галицко-Волынская летопись распадается на две части [1: 7]. Т. н. Галицкая летопись оказывается ближе к Повести временных лет с её высоким книжным языком, а Волынская – к Киевской летописи, тяготеющей к «живому» языку [24: 77]. Эти различия, безусловно, следует учитывать. В то же время необходимо отделять языковой и смысловой уровни изложения. Для авторов Волынской и Галицкой летописей, вероятно, был характерен разный

литературный язык, но их сближают необычное для русских летописей отсутствие хронологической сетки и некоторые стилистические особенности [8: 73–74].

Способы описания и сакрализации образов природы не обязательно коррелируют с языковыми особенностями, хотя не следует исключать такой возможности. Объединяют Галицкую и Волынскую летописи и некоторые мировоззренческие позиции. Необычное для древнерусской литературы развитие находит в юго-западном летописании концепция, названная автором этих строк теорией «о казнях и милостях Божьих» [20: 213] (в противовес уже существующему в историографии термину «теория казней Божьих» [14: 39]). Акцент на том, что казнь и милость – два взаимосвязанных способа толковать Божественный промысел, особенно актуален во время анализа особенностей отражения теории в разных летописях. Исследователи уже отмечали, что в Галицко-Волынской летописи природа часто описывается в контексте военно-политических событий [19: 155; 20: 426, 440]. При описании стихийных бедствий теория «о казнях и милостях Божьих» проявляется оригинальным образом. Если в других летописях Бог чаще карает природными силами русские земли, то и в Галицкой, и в Волынской летописях книжника интересуют больше бедствия, происходящие у иноверных соседей Северо-Западной Руси [20: 424–425]. Акцент на каре Богом иноверцев, с точки зрения автора этих строк, был обусловлен активной внешней политикой Галицко-Волынской земли, которая находилась в агрессивном поликонфессиональном окружении. Было отмечено, что схожая среда создавала подобные описания и в других средневековых памятниках [20: 439–440]. Исследователи также обращали внимание на большую, по сравнению с другими летописями, поэтичность в описании природных явлений галицко-волынскими книжниками [1: 258–259; 19: 160–161; 20: 427].

Если юго-западные летописцы не скупились использовать для создания поэтических картин образы природы, то гадать о судьбе по изменениям в окружающем мире они, по всей видимости, не имели привычки. Галицко-Волынская летопись упоминает всего три знамения¹. Только одно из них посвящено космическому явлению. Речь идёт об уже упомянутом описании кометы: в восточной части неба явилась хвостатая звезда, испускавшая большие лучи. Эту звезду нарекли волосатой. При виде явления людей объял страх, а некоторые говорили, что землю ждёт мятеж. Но Бог спас Русь, и ничего не произошло [5: 863]. А.В. Лаушкин справедливо отмечал, что годом позже мятеж в летописи всё-таки упоминается [11: 50]. Но едва ли в этом следует видеть противоречие. «Хитрѣчи» говорили: «мятеж

великъ боудеть» в своей земле, и Бог действительно спас от этой напасти Галицко-Волынскую Русь и послал «мятежь великъ» татарам, которые убивали друг друга в бесчисленном множестве («акъ пѣсокъ морьскы» [5: 863] – поэтизирует летописец).

Таким образом, книжник остаётся верен себе: Бог милостив к верным ему христианам и обращает кары на иноплеменников. Знание как атрибут грядущей кары, вероятно, также было обращено к татарам. Не зря оно явилось на востоке. Сообщение под 1266 г., таким образом, органично развивает тему 1265 г. Интересно, что под 1266 г. ничто, кроме мятежа в татарских землях, не упоминается, а под 1267 г. написано только: «И бысть тихо» [5: 864]. В первоначальном варианте летописи, в котором отсутствовала хронологическая сетка, описание кометы должно было соединяться с информацией о мятеже ещё более органично: их разрывает только свидетельство о смерти княгини Олены, которая тоже могла восприниматься средневековым сознанием как воплощение предсказания, посланного в виде падающей звезды [15: 361; 23: 66] (в своё время обращалось внимание и на стилистические связи статей под 1265 и 1266 гг. в Ипатьевской летописи [2]).

Сообщение о комете давно использовали для проведения границы между Галицкой и Волынской летописями. А.С. Орлов считал, что Галицкая летопись доходит до статьи под 1265 г. Ипатьевской летописи на том основании, что под этим годом в последний раз встречается цитата из компилятивного хронографа, который не использовал волынский летописец [18: 110]. Сообщение о волосатой звезде, по мнению исследователя, было сформировано под влиянием «Хроники» Малалы, в которой упоминается, что в правление Юстиниана на востоке взошла страшная звезда «комитись, яже бѣ простирающи лоучя долу, юже друзии глаголаху погония. бояхуся» [7: 348]. Из явных сходств (см. таблицу): обе звезды восходят на востоке, оба источника называют звезду «страшной», оба делают акцент на лучах кометы и народных интерпретациях её формы. По мнению А.С. Орлова, «волосатость» звезды была сконструирована книжником при опоре на сообщение Иосифа Флавия, в котором он описывает явление копьеобразной звезды, которая также была названа «комитись» и «власатой» [18: 110]. «Погония» (буквально – бородатая), по мысли А.С. Орлова, следует воспринимать как «хвостатая» потому, что «комитис» переводится как «волосатая» [18: 110].

В то же время едва ли стоит видеть доказательство заимствования в упоминании стороны света, в которой появляется комета, её лучей хвоста и формы. Эти элементы традиционно присутствуют в описании комет древнерусскими книжниками [20: 286–287]. Не было

чуждо летописцам и описание народного страха перед зловещими знамениями. Если же книжник понимал этимологию слов «комитис» и «погония», то ему едва ли необходимо было искать объяснения у Иосифа Флавия. Однако следом за кометой Малала упоминает церковный раздор, хотя непосредственно в «Хронике» два явления не связываются [7: 349]. Сопоставление формы древнерусских знамений со схожими явлениями, описанными в греческой книжности, могло использоваться для раскрытия смысла предзнаменования [5: 154].

Сопоставление текстов из «Хроники» Малалы и Ипатьевской летописи

«Хроника» Малала	Ипатьевская летопись
Въ начаток же царства его взыиде в вечеръ на вѣстокъ солнца страшна звѣзда комитись, яже бѣ простирающи лоучя долу, юже друзии глаголаху погония. Бояхуся	Явися звѣзда на востоцѣ. хвостатая образомъ страшнымъ. испоущающе от себе лоучѣ великы си же звѣзда нарѣчается власатая. от видѣния же сея звѣзды страхъ обя вся человеки и оужасть. хитрѣчи же смотрѣвше тако рекоша. оже мятежъ великъ боудеть. в земли. но Богъ спастъ своею волею и не бысть ничто же

Лингвистические исследования не подтверждают построений А.С. Орлова. Стиль летописания резко меняется между сообщениями под 1260 и 1261 г. [1: 7; 25: 149]. Это противоречие нередко объясняют деятельностью редактора (напр. А.И. Генсьорский, И.С. Юрьева [2; 25: 138] и др.). Однако в таком случае не до конца ясно: что должно было заставить волынского книжника редактировать предыдущую летопись именно с 1261 г., причём редактировать так, чтобы упростить высокие книжные формы Галицкой летописи? Как пишет сам А.С. Орлов, «первоначально нам казалось, что заимствования собственно из Малалы не идут позднее 1259 г.» (т. е. заканчиваются примерно там же, где меняется стиль летописи). Уже потом исследователь обнаружил соответствие описанию волосатой звезды [18: 109]. Если допустить, что совпадение возникло случайно или волынский летописец знал хронограф, но по какой-то причине редко им пользовался, тогда сообщение 1265 г. следует признать творчеством волынского книжника. Во всяком случае, у Малалы нет упоминания «народной» трактовки кометы как предзнаменования мятежа. Эта часть сообщения явно связана со статьёй следующего года. В любом случае, в своём завершённом виде информация о комете сложилась под пером волынского летописца.

Использование прямой речи знающих людей для истолкования знамений – редкий приём древнерусского летописания. Помимо Волынской летописи, народные интерпретации знамений знает только Киевская летопись [5: 516, 638, 690]. Впрочем, смысл использован-

ного волынским летописцем схожего приёма в другом. В Киевской летописи «народная» трактовка знамений всегда оказывается верной. После интерпретации знамения употребляется формула «еже бысть», либо дальнейшие события не позволяют усомниться в этом. Даже когда книжник противопоставляет народную и церковную традиции, прав оказывается народ. Когда напугавшее людей землетрясение прошло по Киевской земле и «игоумени блажения» зывали: «...се Богъ проявилъ есть, показая силоу свою за грѣхи наша. да быхомъ ся остави от злаго поути своего», «инии» же говорили друг другу, что Русь ожидает кровопролитие, что и сбылось [5: 690]. В данном случае едва ли летописец хотел дискредитировать христианскую идею о знамении как предупреждении перед наказанием. Просто призыв к покаянию остался незамеченным. Последующие события – нарушение князьями крестного целования в Великий пост, землетрясение во время схождения войск – подтверждают эту трактовку [5: 690–691]. Народное предсказание кровопролития в своей же земле в Волынской летописи играет прямо противоположную роль. Пророчество оказалось неверным². Но наиболее необычно то, что единственное знамение в Волынской летописи в итоге предрекает беды не в своей, а в чужой земле.

И аналогичную картину можно наблюдать в Галицкой летописи. В ней присутствуют два тесно связанных друг с другом явных знамения. И только характер одного из них можно назвать строго природным. Оба знамения удачно вписаны в контекст конфликта 1245 г. Князь Ростислав Михайлович, собрав силы венгров и поляков, выступает против Даниила и Василько Романовичей. Во время осады города Ярослава Ростислав ведёт себя заносчиво, хвастаясь перед своим войском, что, будь у него всего 10 воинов, он всё равно поехал бы на Даниила и Василько, знай он, где находятся эти князья [5: 801]. Ростислав устраивает турнир перед осаждённым городом, во время которого под князем упал конь, а неудачливый всадник вывихнул себе плечо. Этот эпизод книжник трактует как недоброе знамение для Ростислава [5: 801].

Травма, полученная перед битвой, или ранение в раннем летописании могли рассматриваться как своего рода предупреждения герою – небольшая неприятность перед большой бедой [5: 641]. Но знамением такие явления книжники обычно не называют. Однако галицкий летописец не так-то прост, чтобы случайно использовать понятия. Недаром в самом начале статьи книжник пишет о том, как Ростислав «молися» венгерскому королю и полякам, чтобы те помогли ему [5: 800]. Даниил и Василько тоже не чуждаются иностранной помощи, но они, узнав о пришествии враждебной рати, вначале «по-

молиастя» Богу, а затем уже «посласта Кондратове» и «посласта в Литвоу помощи просяща» [5: 801]. Но не успели союзники прислать помощь, как помог Бог: «...яко не от помощи человекомъ побѣда нъ от Бога», – резюмирует книжник [5: 801].

Когда войско Даниила и Василько слезает с коней, чтобы вооружиться, над полком происходит знамение: слетаются орлы и множество воронов и ведут себя необычным образом [5: 801–802]. Это знамение в разных списках летописи «на добро» или «не на добро» [5: 802]. Но последующий разгром Ростислава не оставляет сомнений по поводу первоначального замысла автора. А.В. Лаушкин справедливо отмечал, что если галицкий летописец истолковал описанное выше знамение как доброе, то Повесть временных лет относит знамения по поведению птиц, как и любые другие знамения на небе, к злым [11: 53]. Однако точных аналогов описанному галичанином знамению в ранних летописях не встречается. А книжник особо подчёркивает сверхъестественный характер явления, чтобы, видимо, ни у кого не закралось сомнений в том, что Бог явил чудо: «...якоже иногда и николи же не бѣ» [5: 802]. Т. к. орлов и воронов Библия иногда упоминает в контекстах, связанных с кровопролитием, избранничеством и наказанием не соблюдающих заповеди людей (Исх. 19:4; Ис. 40:31; Притч. 30:17), можно предположить, что Писание могло влиять на восприятие явления. Но летопись не даёт каких-либо оснований для того, чтобы заподозрить наличие отсылки к Библии.

Таким образом, описанные в Галицкой летописи два знамения следует рассматривать как составляющие одного замысла: Бог посылает недоброе знамение тем, кто проиграет, и доброе тем, кто выиграет. Так же, как и в случае с волынским знамением, на передний план выходит пространственная локализация явления: конь падает под Ростиславом, птицы летают над полком, комета появляется на востоке, откуда приходят татаро-монгольские орды.

Галицко-Волынское летописание вообще в большей мере, чем другие летописи, акцентирует внимание на одушевлённых и неодушевлённых субъектах, воздействующих на окружающий мир. В распространённых в ранней средневековой литературе пассажах про то, как ангелы избивают врагов, обычно достаточно простого упоминания ангела или ангельского войска, участвующего в битве [5: 267–268; 13: 284, 287; 17: 175, 294]. Исследователи XIX – первой половины XX в. иногда трактовали эти явления с натуралистических позиций, например как описание северного сияния [22: 48]. Но сюжет из Хроники Амартола, в котором Юлиана Отступника некто поражает копьём и люди не знают, был это человек или ангел [13: 557], хорошо демонстрирует, что средневековое население могло воспринимать

участие в битве ангела буквально. Галицкая летопись в этом отношении также показывает оригинальную ситуацию, детально описывая, как ангелы, покровительствующие определённой земле или посылаемые в наказание определённому народу, параллельно осуществляют функции духов природы: открывают хляби небесные и пускают на врагов дождь, насылают смерть и топят в озере [5: 760–761, 840]. В описании природных явлений подобная детальность и ориентация на действующий субъект сохраняется вне сакрального контекста. Например, в то время, как Даниил и Василько собирались биться с татарами, загорелся Холм, и по всей земле было видно зарево. Люди подумали, что город подожгли татары, и начали укрываться в лесу, что помешало подготовке к обороне. Пожар оказался не только карой Божьей: город покрылся огнем из-за некой «оканья бабы» [5: 841]. Детальность характерна и для Волынской летописи: когда зимой русско-татарское войско выступило в поход к Новогрудку, татары заметили пар под горой. Этот пар для них стал индексальным знаком того, что за возвышенностью стоит войско (пар идёт от дыхания коней). Русско-татарская разведка, однако, установила, что пар исходил от горных источников [5: 872–873].

Случай с пожаром в Холме примечателен тем, что отражает отношение книжника к Божьим карам, происходящим в собственной земле. После инцидента Даниил утешает брата, убеждая, что не стоит, подобно язычникам, сожалеть о каре, посланной Богом, но стоит надеяться на Господа [5: 841]. Последующие события подтверждают это. В начале войска Василько наносят поражение одному из отрядов неприятеля, а затем татары не могут взять плохо подготовленный к обороне Луцк, потому что Бог, святые Иоанн и Николай послали ветер, который вместе с другими чудесами не дал татарам овладеть городом [5: 842]. Эпизод, в котором ветер направляет камни из орудий обратно на татар, давно был сопоставлен исследователями с сообщением Иосифа Флавия об обороне Гамалы и сообщением Амартола об осаде римлянами одного из еврейских городов [18: 119]. Только само по себе событие интерпретировано в соответствии с общим отношением галицкого летописца к пониманию Божественного вмешательства. Если книжник и использовал сюжеты из Флавия и Амартола, то он отражал их в обратной перспективе. У Флавия римляне берут находящуюся на высокой горе, окружённую большими пропастями крепость благодаря внезапно возникшему ветру, направившему камни и стрелы из крепости обратно, ослепив защитников и отдав в руки врагу [6: 241]. У Амартола описана почти аналогичная ситуация, но без акцента на неприступном характере крепости. А ветер рассматривается как поущение Бога и кара иудеям [13: 420]. Луцк, напротив, был плохо

защищён (хоть подступы к нему и перекрыла река), а возникший ветер оказался не карой Божьей, а спасением.

Таким образом, особенности описания природных явлений в Галицкой летописи обусловлены не только большим вниманием к политическим событиям. Также играют значительную роль мировоззрение авторов, их представления о том, как следует себя вести во время бедствий и предзнаменований. В других летописях знамение может упоминаться вне политического контекста, книжник может воспринимать знамение как своего рода знак-индекс, важный даже в том случае, если его значение остаётся ему неясным. Исследователи давно отмечают повышенное эмоциональное состояние масс во время знамений, которое периодически находит описание в разных летописях [11: 43; 23: 29].

Н. Сенаторский сравнивал страх людей, не знавших причин затмения, с аналогичным страхом животных перед этим явлением [23: 29]. Автору данных строк приходилось слышать простонародное описание затмения, когда люди и домашние животные оказываются едины в своём общем страхе перед явлением. Но такие описания – всегда плод интерпретации человека. Малейшая попытка осмысления, предпринятая человеком, превращает знамение из индекса в символ. Византийская литература, на образцы которой ориентировались древнерусские книжники, изобилует примерами того, как всевозможные изменения в природе предрекали страшные бедствия. Во время знамения следует молиться, и, быть может, Бог отвратит свой гнев – идея, которую, возможно, Повесть временных лет выводит, опираясь на Амартула [10: 276; 13: 336]. А.В. Лаушкин писал об обратимости христианских знамений, приводя в пример в т. ч. аргументацию памятников XIII в. [11: 42]. Если знамение – предупреждение перед бедой, то оно одновременно и часть наказания, а его игнорирование – своего рода сопротивление Божьей воле. Распространённость такой позиции отражает и тот факт, что, в отличие от переводных хроник, летописи не применяют к колдовским, нехристианским чудесам термин «знамение». Если веру в знамения можно рассматривать как органичную часть теории «о казнях и милостях Божьих», то становится понятной особенность восприятия Божьих знаков в галицко-волынском летописании. Бодрость духа перед политическими врагами для её авторов – ценность более значимая, нежели состояние «сокрушённого сердца».

Поэтому можно сказать, что Галицко-Волынскую летопись знамения сами по себе не интересуют вовсе. Для юго-западного книжника важнее продемонстрировать, на чьей стороне Бог, и этой задаче подчинено как описание Божьих казней, так и знамений. Могло повлиять

на восприимчивость авторов к предзнаменованиям и их внимание к активности различных субъектов. Если сообщения о том или ином природном явлении никак нельзя было удачно связать с последующими событиями, книжники, вероятно, не обращали на них внимания.

Формированию особого отношения к природным силам у галицко-волынских летописцев могли способствовать принадлежность книжников к определенной социальной страте, их особое внимание к деяниям конкретных персон и положение Галицко-Волинской земли на пересечении разных конфессий. В этом отношении исчезновение интереса юго-западных книжников к мистическому значению знамений едва ли следует рассматривать как наиболее последовательное проявление падения интереса к знамениям и предсказаниям, характерное для древнерусского социума XIII в. вообще. Причина кроется скорее в особенностях религиозных и натуралистических взглядов, отражённых в галицко-волинском летописании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном случае речь идёт только о «знамении» в значении предзнаменования, в древнерусском языке термин «знамение» мог употребляться и в других, в т. ч. и лишённых всяких религиозных смыслов значениях, что характерно и для Галицкой летописи [5: 810].

2. Ситуация, при которой трактовка значения знамения населением оказывается ложной, тем не менее, не единична для древнерусской литературы. В славянском переводе Иосифа Флавия такие знамения, как появление света на жертвеннике и чудесное открытие ворот церкви, трактуются неразумными как благие знамения. Произвольное раскрытие дверей объясняют тем, что Бог сам раскрывает людям «двери благия», хотя на самом деле знамение предвещало разорение святого места воинами [6: 353]. Почему как благоприятный знак был истолкован свет в церкви, у Флавия не поясняется. Возможно, положительная семантика света для автора сообщения была самоочевидной. Неправильно истолкованные знамения из славянского перевода Иосифа Флавия разительно отличаются от сообщения Ипатьевской летописи о волосатой звезде, чтобы всерьёз видеть здесь какое-либо влияние. Но что интересно: ситуация в Галицко-Волинской летописи во многом обратна той, что описана у Флавия. Очевидно, неблагоприятное знамение, совершенно логично истолкованное народом в соответствии с существовавшей традицией, не несёт никаких бед земле, в которой оно наблюдается (в ранних летописях знамения несли предупреждения тем странам, в которых были видны [11: 39–40]). В этом отношении описание кометы в Галицко-Волинской

летописи заслуживает внимания именно как один из маркеров отхода книжников от устоявшихся традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генсьорський А.І.* Галицько-Волинський літопис (Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. 285 с.

2. *Генсьорський А.І.* Галицько-Волинський літопис (Процес складання; редакції і редактори). Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1958. URL: <http://litopys.org.ua/hens2/hs02.htm#red3> (дата обращения: 29.06.2021).

3. *Дёмин А.С.* Древнерусская литература как литература: (о манерах повествования и изображения) / Отв. ред. В.П. Гребенюк. М.: Языки славянской культуры, 2015. 486 с.

4. *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

5. *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 2.

6. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 880 с.

7. *Истрин В.М.* «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе / Подгот. изд. М.И. Чернышевой. М.: Джон Уайли энд Санз, 1994. 473 с.

8. *Котляр М.* До проблеми хронології Галицько-Волинського літопису // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2006–2007. Вип. 15. С. 73–81.

9. *Котляр М.Ф.* Коментар // Галицько-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М.Ф. Котляра. Київ: Наукова думка, 2002. 400 с.

10. *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1.

11. *Лаушкин А.В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 г. Вып. 1: Книжная культура / Под ред. А.В. Лаушкина. М.: Мануфактура, 1998. С. 26–58.

12. *Макеева И.И.* Знамения в судьбе для человека Древней Руси // Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 181–186.

13. *Матвиенко В.А.* Книги временные и образные Георгия Монаха: в 2 т. / Отв. ред. М.Н. Громов. Т. 1, ч. 1: Интерпретированный текст Троицкой рукописи. М.: Наука, 2006. 634 с.

14. *Мильков В.В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.

15. *Мильков В.В., Милькова С.В.* Элементы двоеверия в апокрифической книжности // Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 330–389.

16. *Мушар Ф.* «Небо как открытая книга»: небесные знамения в древнерусском летописании (домонгольский период) // Ruthenica. 2017. Т. 14. С. 7–25.

17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 3.
18. Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 31. С. 93–126.
19. Пуаткин А.А. Древнерусские летописи XI–XIII вв. Вопросы поэтики: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 392 с.
20. Пузанов Д.В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и её соседи: IX–XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 480 с.
21. Святский Д.О. Астрономия Древней Руси / Предисл., коммент., доп. М.Л. Городецкий. М.: Русская панорама, 2007. 664 с.
22. Святский Д.О. Северное сияние в русской литературе и науке с X по XVIII в. // Архив истории науки и техники. 1934. Вып. 4. С. 47–67.
23. Сенаторский Н. Вера древних русских христиан в небесные знамения. Киев, 1883. 139 с.
24. Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. С. 65–77.
25. Юрьева И.С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. М.: Древлехранилище, 2013. С. 135–151.

REFERENCES

1. Gensorskiy, A.I. (1961) *Galits'ko-Volins'kiy litopis (Leksichni, frazeologichni ta stilistichni osoblivosti)* [Galician-Volhynian Chronicle (Lexical, Phraseological and Stylistic Features)]. Kiev: Vidavniststvo Akademii nauk Ukraïns'koï RSR.
2. Gensorskiy, A.I. (1958) *Galits'ko-Volins'kiy litopis (Protsets skladannya; redaktsii i redaktori)* [Galician-Volhynian Chronicle (Construction; Edition and Editors)]. Kiev: Vidavniststvo Akademii nauk Ukraïns'koï RSR. [Online] Available from: <http://litopys.org.ua/hens2/hs02.htm#red3> (Accessed: 29th June 2021).
3. Demin, A.S. (2015) *Drevnerusskaya literatura kak literatura: (o manerakh povestvovaniya i izobrazheniya)* [Old Russian Literature as Literature: (on the Manners of Narration and Image)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Dolgov, V.V. (2017) *Byt i nrayy Drevney Rusi. Miry povsednevnosti XI–XIII vv.* [Life and Customs of Old Rus. Worlds of Everyday Life, 11th – 13th Centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
5. Shakhmatov, A.A. (ed.) (2001) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
6. Moldovan, A.M. (ed.) (2004) *“Istoriya ludeyskoy voyny” Iosifa Flaviya:*

Drevnerusskiy perevod ["History of the Jewish War" by Josephus Flavius: an Old Russian Translation]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

7. Istrin, V.M. (1994) "*Khronika*" Ioanna Malaly v slavyanskom perevode ["Chronographia" by John Malalas in the Slavic Translation]. Moscow: John Wiley & Sons.

8. Kotlyar, M. (2006–2007) Do problemi khronologii Galits'ko-Volins'kogo litopisu [On the problem of the chronology of the Galician-Volhynian Chronicle]. *Ukraina: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist' – Ukraine: Cultural Heritage, National Identity, Statehood*. 15. pp. 73–81.

9. Kotlyar, M.F. (2002) Komentar [Comment]. In: Kotliar M.F. (ed.) *Galits'ko-Volins'kiy litopis. Doslidzhennya. Tekst. Komentar* [The Galician-Volhynian Chronicle. Research. Text. Comment]. Kyiv: Naukova dumka.

10. Karskiy, I.F. (ed.) (2001) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

11. Laushkin, A.V. (1998) Stikhiynye bedstviya i prirodnye znameniya v predstavleniyakh drevnerusskikh letopistsev XI–XIII vv. [Natural disasters and natural signs represented in the Old Russian Chroniclers of the 11th – 13th Centuries]. In: Laushkin, A.V. (ed.) *Russkoe Srednevekov'e* [Russian Middle Ages]. Vol. 1. Moscow: Manufaktura.

12. Makeeva, I.I. (1994) Znameniya v sud'be dlya cheloveka Drevney Rusi [Omens in the fate of an Old Russian person]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The Concept of Fate in the Context of Different Cultures]. Moscow: Nauka.

13. Matvienko, V.A. (2006) *Knigi vremennye i obraznye Georgiya Monakha: v 2 t.* [Temporary and Figurative Books of George the Monk: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

14. Milkov, V.V. (2000) *Osmyslenie istorii v Drevney Rusi* [Comprehension of History in Old Rus]. St. Petersburg: Aletyya.

15. Milkov, V.V. & Milkova, S.V. (1999) Elementy dvoeveriya v apokrificheskoy knizhnosti [Elements of Folk Orthodoxy in Apocryphal Book Writing]. In: Milkov, V.V. *Drevnerusskie apokrify* [Old Rus Apocrypha]. St. Petersburg: RCHI.

16. Mouchard, F. (2017) "Nebo kak otkrytaya kniga": nebesnye znameniya v drevnerusskom letopisanii (domongol'skiy period) ["Heaven as an Open Book": Heavenly Signs in the Old Russian Chronicle (the Pre-Mongol Period)]. *Ruthenica*. 14. pp. 7–25.

17. Nasonov, A.N. (ed.) (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

18. Orlov, A.S. (1926) K voprosu ob Ipat'evskoy letopisi [On the Hypatian Chronicle]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR*. 31. Leningrad: USSR AS.

19. Pautkin, A.A. (2003) *Drevnerusskie letopisi XI–XIII vv. Voprosy poetiki* [Old Russian Chronicles of the 11th – 13th Centuries. Problems of Poetics]. Philology Dr. Diss. Moscow.

20. Puzanov, D.V. (2018) *Prirodnye yavleniya v sakral'noy kartine mira narodov Vostochnoy Evropy. Drevnyaya Rus' i ee sosed: IX–XIII vv.* [Natural Phenomena in the Sacral Worldview of the East-European Peoples. Old Rus and its Neighbors:

the 9th–13th Centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.

21. Svyatskiy, D.O. (2007) *Astronomiya Drevney Rusi* [Old Rus Astronomy]. Moscow: Russkaya panorama.

22. Svyatskiy, D.O. (1934) Severnoe siyanie v russkoy literature i nauke s X po XVIII v. [Northern Lights in Russian Literature and Science from the 10th to the 18th Centuries]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. 4. pp. 47–67.

23. Senatorskiy, N. (1883) *Vera drevnikh russkikh khristian v nebesnye znameniya* [Faith of Old Russian Christians in the Heaven Omens]. Kiev: [s.n.].

24. Yurieva, I.S. (2016) Lingvisticheskie parametry stilisticheskikh razlichiy mezhdu Galitskoy i Volynskoy letopisyami [Linguistic parameters of stylistic differences between the Galician and Volhynian Chronicles]. In: Komendova, J. (ed.) *Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya* [Writing of the Principality of Galicia-Volhynia: Historical and Philological Research]. Olomouc: [s.n.]. pp. 65–77.

25. Yurieva, I.S. (2013) Nekotorye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki tak nazyvaemoy Galitsko-Volynskoy letopisi [Some features of the syntax, morphology and vocabulary of the so-called Galician-Volhynian Chronicle]. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Linguistic Source Study and the History of the Russian Literary Language]. Moscow: Drevlekhranilishche. pp. 135–151.

Пузанов Даниил Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Россия).

Daniil V. Puzanov – Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS (Russia).

E-mail: puzanov_dv@udman.ru